

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-39-45

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

БОНДАРЕНКО Д.А.,

аспирант кафедры конституционного и административного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
e-mail: dbondarenko265@gmail.com

МЕХАНИЗМ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДНЫЙ ПОИСК ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются правовые основы и критерии ограничения права на информацию в Российской Федерации в условиях цифровизации. Особое внимание уделено анализу конституционного права на свободный поиск, получение, производство и распространение информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ) в контексте обеспечения информационной безопасности. Современная информационная среда тесно переплетена с реализацией прав и свобод человека, а потому ограничение доступа к информации должно быть правомерным, соразмерным и обоснованным. На основе анализа нормативных источников, правоприменительной практики Конституционного Суда РФ, международных документов и доктрины делается вывод о необходимости дальнейшей законодательной конкретизации оснований и пределов ограничения права на информацию и свободный доступ к информационным ресурсам. Автор предлагает выработку единой государственной политики в данной сфере, обеспечивающей баланс между правом на информацию и задачами защиты публичных интересов.

Ключевые слова: конституционное право на доступ к информации, информационные права, ограничение права на информацию, информационная безопасность, интернет-цензура.

BONDARENKO D.A.,

Post-graduate student of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
St. Petersburg State University of Economics

THE MECHANISM OF RESTRICTION OF THE RIGHT TO FREE INFORMATION SEARCH IN THE CONTEXT OF ENSURING THE INFORMATION SECURITY OF THE STATE IN MODERN RUSSIA

Annotation. This article examines the legal basis and criteria for restricting the right to information in the Russian Federation in the context of digitalization. Special attention is paid to the analysis of the constitutional right to freely search, receive, produce and disseminate information (Part 4 of Article 29 of the Constitution of the Russian Federation) in the context of ensuring information security. The modern information environment is closely intertwined with the realization of human rights and freedoms, and therefore restrictions on access to information must be lawful, proportionate and justified. Based on the analysis of regulatory sources, the law enforcement practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, international documents and doctrine, it is concluded that further legislative specification of the grounds and limits of restrictions on the right to information and free access to information resources is necessary. The author suggests the development of a unified state policy in this area, ensuring a balance between the right to information and the tasks of protecting public interests.

Key words: constitutional right to access information, information rights, restriction of the right to information, information security, Internet censorship.

Введение

Отсутствие права на свободное распоряжение информацией является серьезным барьером на пути личностного развития, построения социальных связей и обеспечения материального благополучия. Н.Н. Ковалева и Е.В. Холодная относят право на информацию к гарантии полной реализации личных, социально-экономических и политических прав граждан [1]. Не случайно положения ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее по тексту – ФЗ «Об информации») определяют возможность информационного ресурса быть «объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений». Более того, в различных отраслях российского права информация сама по себе может проявляться и использоваться абсолютно по-разному. Например, в гражданском праве информация может являться одновременно как объектом договора (ст. 1468 ГК РФ), так и решающим фактором на преддоговорном этапе для принятия стороной решения о заключении договора (ст. 431.2. ГК РФ). Связано это с тем, что право на поиск, получение, производство и распространение информации может быть отнесено к разным группам прав, исходя из контекста [2].

Общественные отношения сегодня, независимо от предметной принадлежности (экономические, политические, духовные, технологические и т.п.), тесно связаны с доступом к информации и информационным технологиям, а потому абсолютно уместным является обозначение современных процессов как «информационная революция» [3]. Катализатором подобного укоренения является сеть «Интернет», которая «предоставляет безграничные возможности в области передачи, распространения и рассылки информации, но в то же время является эффективным средством влияния на отдельного человека и общество в целом. Интернет располагает такими возможностями в силу того, что способен в кратчайшие сроки доводить до многомиллионной аудитории самые свежие факты общественно-политической жизни, формировать общественное мнение по острым проблемам» [4]. Информация является ресурсом, позволяющим удовлетворять личные потребности человека, а значит отсутствие информации либо же права на доступ к ней прямо влияет на качество жизни.

Однако, с увеличением потенциала информации как ресурса, с помощью которого происходит положительное влияние на развитие государства и общества, в равной степени растет потенциал информации как мощного инструмента для деструктивных и злонамеренных действий. В этой связи особенно остро проявляется необходимость

в наличии структурированного законодательства, определяющего критерии возможного ограничения информационных прав для защиты публичных интересов.

Цель настоящего исследования – определить современное состояние правового механизма ограничения права на поиск и получение информации в Российской Федерации в целях обеспечения информационной безопасности.

Основная часть

В юридической науке отсутствует единообразие в понимании и применении термина «информационное право» для совокупности прав по распоряжению информацией. Некоторые авторы отмечают в своих работах наличие «терминологического хаоса» по данному поводу [5]. На сегодняшний момент ситуация не изменилась. Конституция РФ, после приведенных в 2020 году поправок, так и не внесла большей ясности в этом вопросе, поскольку сохранила в исходном состоянии формулировку из части 4 статьи 29. Все же, в контексте настоящего исследования для описания совокупности прав на поиск, получение, производство и распространение информации будет использован именно термин «информационные права», либо же «право на информацию».

Основное закрепление информационных прав находит свое отражение в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ. Действующая формулировка охватывает полный спектр действий, производимых с информацией в современном мире. Безусловно, Конституция РФ содержит и иные нормы, закрепляющие права граждан на поиск, получение информации: ч. 2 ст. 24, ч. 5 ст. 29, ст. 42. Однако, именно положения ч. 4 ст. 29 Конституции выступают центральным звеном в системе информационных прав, которое охватывает правоотношения различной направленности. По мнению таких авторов как А.В. Малько [6] и А.Б. Венгеров [7], закрепление подобной совокупности прав в основном законе оказывает благоприятное воздействие и на «информационные возможности» граждан, и на расширение возможностей реализации иных конституционных прав. Конституционный суд РФ (далее – КС РФ) подчеркивал, что информационные права относятся к основным правам и свободам человека и гражданина (абз. 2 п. 4 Постановления КС № 4-П от 14.03.1997).

В ООН информационным правам также продолжает уделяться особое внимание, причем в международных актах сеть «Интернет» уже признана сферой, без доступа к которой осуществление для человека своих прав значительно затрудняется. Например, п. 7 Резолюции 50/55 Совета по правам человека указывалось: «Доступ к Интернету повсеместно признан как неотъемле-

мое средство реализации широкого спектра прав человека. Он необходим не только для свободы выражения мнений, но и — по мере развития цифровых технологий — для осуществления, в частности, прав на образование, на свободу ассоциации и собраний, на участие в социальной, культурной и политической жизни, на здоровье, на достаточный жизненный уровень, на труд, на социальное и экономическое развитие». «Те же самые права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны также защищаться в онлайн-среде» - отмечалось в п. 1 Резолюции 47/16 Совета по правам человека. Подобные формулировки свидетельствуют о том, что общественные отношения уже полноценно переплетены с информационной средой и отсутствие должного правового обеспечения может значительно ущемлять права человека и гражданина при реализации его правоспособности в информационной среде. В этой связи страны всячески выстраивают механизмы, направленные на оптимизацию общественных отношений, связанных с получением и распространением информации. К примеру, в начале нынешнего столетия органы власти Великобритании, осознавая уровень современного этапа развития информационных и коммуникационных технологий, начинали внедрять цифровое взаимодействие с гражданами посредством создания веб-сайтов государственных органов с публикацией информации о деятельности данных органов, а также с предоставлением определённых общественных и государственных услуг. Д. Моррисон указывал, что направленность данного процесса заключается в стремлении «оживить отношения между гражданами и правительством посредством более подробных консультаций и участия в управлении» [8]. Российская Федерация не осталась в стороне и с 2009 года в РФ работает сервис «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», призванный предоставлять физическим и юридическим лицам спектр государственных и муниципальных услуг, а также обеспечивает упрощённый способ получения информации о деятельности государственных и муниципальных органов. На сегодняшний момент данный сервис действует в соответствии с положениями Постановления Правительства РФ от 24.10.2011 № 861. Помимо этого, в РФ проводится постоянная оптимизация и иных информационных процессов.

В свою очередь, Конституционный Суд РФ в Определении от 26.11.2018 N 3087-О справедливо отметил: «Гарантированное Конституцией Российской Федерации право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 29, часть 4) не должно, как того тре-

бует ее статья 17 (часть 3), осуществляться с нарушением прав и свобод других лиц, а его реализация возможна только в порядке, установленном законом». Говоря о стремлениях к развитию информационной среды, нельзя забывать о необходимости соблюдения справедливого баланса между интересами общества в информационной среде и защитой государства и общества от негативных последствий, вызываемых неограниченным и неконтролируемым доступом к информационному ресурсу [9]. Бесконтрольный доступ всех лиц к любой информации, а особенно в контексте доступа посредством сети «Интернет», может повлечь за собой угрозу нарушения имущественных и личных неимущественных прав, раскрытия сведения о частной жизни граждан, распространению дезинформации и манипулированию общественным сознанием, угрозу причинения вреда нравственному и психическому здоровью несовершеннолетних, подрыву национальной безопасности, а также угрозу информационному суверенитету государства. Тотальное оставление информационной среды без вмешательства государства могло бы привести к «информационной катастрофе». Как справедливо отмечает О.В. Нардина: «свободное перемещение информации, осуществляемое с помощью Интернета, а также сравнительная новизна рассматриваемых общественных отношений привели к появлению множества проблем, способных нанести ущерб информационной безопасности государства, негативно отразиться на неприкосновенности частной жизни граждан. Особенно опасным представляется распространение деструктивных идей, идеологий и информации через сайты террористических, экстремистских и повстанческих организаций». Число преступлений информационной и кибер-направленности с каждым годом лишь только увеличивается.

Какими же способами осуществляется ограничение информационных прав и свобод в Российской Федерации на сегодняшний момент?

Конституционно-правовой основой для ограничений информационного права является ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая является универсальным средством ограничения того или иного права с целью защиты публичных интересов. В данном случае можно провести некую параллель с ч. 4 ст. 29 Конституции, отмеченную ранее. Несмотря на то, что в Конституции имеются иные положения, направленные на регулирование определенных правоотношений, положения ч. 3 ст. 55 являются основой для ограничения того или иного права в целях защиты публичных интересов. На уровне федерального законодательства ограничения информационных прав осуществляются в контексте ряда федеральных законов: Закон РФ от

21.07.1993 N 5485-1 «О государственной тайне» (далее – Закон «О государственной тайне»), Федеральный закон от 29.07.2004 N 98-ФЗ «О коммерческой тайне», Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» и иные. Однако, было бы несправедливо не указать, что именно ФЗ «Об информации» имеет наибольшее значение для реализации положений ч. 4 ст. 29 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ на уровне федерального законодательства. Так ст. 1 ФЗ «Об информации» закреплено, что настоящий федеральный закон напрямую является нормативно-правовым актом, регулирующим общественные отношения, возникающие при: 1) осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; 2) применении информационных технологий; 3) обеспечении защиты информации. В то же время данный федеральный закон является и нормативным актом, ограничивающим информационное право. Положениями части 2 и 3 статьи 5 ФЗ «Об информации» законодатель дает легальное разграничение информации: по категории доступа – общедоступная и доступ к которой ограничен федеральным законодательством; по порядку предоставления или распространения – свободно распространяемая, предоставляемая по соглашению лиц (участующих в соответствующих отношениях), в соответствии с федеральными законами подлежащая предоставлению или распространению, а также информация, распространение которой в Российской Федерации ограничивается или запрещается.

В свою очередь, ч. 3 ст. 55 Конституции не дает государству безграничную возможность ограничивать информационное или любое иное право, произвольно определяя границы необходимых мер. Конституционный Суд РФ указывал, что «публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату (абз. 4 п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 22.06.2010 N 14-П). Подобной формулировкой Конституционный суд фактически указывает на необходимость применения принципа соразмерности, что подтверждается и иными постановлениями Конституционного суда (№ 17-П от 17.09.1993, № 14-П от 13.06.1996).

Исходя из смысла ч. 3 ст. 55 Конституции, в совокупности с правовыми позициями КС РФ, информационное право граждан может быть ограничено в целях охраны публичных интересов и

только федеральным законом. Дискуссии о правильном толковании смысла ч. 3 ст. 55 Конституции находят отражение в научном сообществе. По мнению М.В. Баглая, формулировка о том, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо» создает предпосылки для слишком широкого толкования нормы, а равно создает риск произвола [10]. В.В. Лапаева указывала на то, что в современном российском праве существует проблема определения оснований и пределов ограничения основных прав и свобод, которая по мнению автора является центральной [11]. Иные же авторы указывают, что возможные меры ограничения конституционных прав и соразмерность данных ограничений лежат за пределами плоскости конституционных норм, а выработка четких критериев должна производиться совместными усилиями Федерального собрания РФ и КС РФ [12]. Конституционный Суд в Постановлении от 30.10.2003 г. № 15-П указал важную формулировку: «публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, т.е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм; чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения». Справедливой видится точка зрения о том, что права могут быть ограничены лишь до момента, когда ограничение начинает вступать в противоречие со своим истинным назначением [13]. Под истинным назначением следует понимать «легитимную цель» [14] – первый элемент теста на пропорциональность для определения соразмерности ограничения прав и свобод, который находит свое отражение в судебной практике ЕСПЧ, иных зарубежных судебных органов конституционного контроля и отчасти в судебной практике КС РФ.

Непосредственно говоря об ограничении информационных прав федеральным законодательством, некоторые авторы приводят в пример Закон «О государственной тайне». Статья 5 данного закона перечисляет определения сведений, составляющих государственную тайну в РФ,

однако легальные определения в статье сформулированы очень широко по смыслу. К примеру, абз. 2 п. 3 ст. 5 относит к государственной тайне сведения в области внешней политики и экономики о внешнеполитической, внешнеэкономической деятельности РФ, преждевременное распространение которых может нанести ущерб безопасности государства. В этом случае определение устанавливает основополагающим фактором для отнесения тех или иных сведений к государственной тайне наличие возможности причинения ущерба безопасности государства в случае раскрытия информации, но далее законодатель не раскрывает критерии, по которым можно было бы определить вероятность нанесения ущерба раскрытием информации. Соответственно, в зависимости от политического контекста может применяться различное толкование данной нормы, при котором абсолютно различная информация, касающаяся внешней политики и внешнеэкономической деятельности РФ будет отнесена к государственной тайне.

Большой список сведений, относимых к государственной тайне содержит Указ Президента РФ от 11.02.2006 № 90 «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне». Примечательно то, что вопреки смыслу положений ч. 3 ст. 55 Конституции о том, что права и свободы могут быть ограничены только федеральным законом, Указ Президента РФ от 11.02.2006 № 90, являющийся подзаконным актом, содержит в себе дефиниции иных сведений составляющих государственную тайну, а равно ограничивающие права граждан на получение доступа к этим сведениям. Другие авторы также подчёркивают наличие в отечественном законодательстве проблемы ограничения прав и свобод граждан не федеральными законами, а подзаконными актами [15]. Безусловно, в действующей редакции ч. 1 ст. 9 ФЗ «Об информации» указано, что акты Президента РФ могут ограничивать доступ к информации в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Однако представляется, что подобная редакция статьи была введена для легализации уже принятых подзаконных актов. Легально установленная оговорка о том, что подзаконные акты Президента могут ограничивать доступ к информации все еще не сопоставляется с конституционными нормами ч.1 ст. 15 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Более того, стоит отдельно отметить, что поскольку органы исполнительной власти могут издавать подзаконные акты, ограничивающие права и свободы человека и гражданина, постольку в руках исполнительной власти происходит фактически большая концентрация

объема властных полномочий нежели тот объем, который предусмотрен конституционными нормами. Часть 3 статьи 55 Конституции РФ прямо возлагает возможность ограничения тех или иных прав и свобод в угоду охраны публичного интереса на власть законодательную, путем принятия федеральных законов, однако по приведенным примерам выше исполнительная власть может действовать в обход данного конституционного положения.

Статья 9 ФЗ «Об информации» более подробно описывает особенности ограничения информационного права, но при определении информации, право на получение которой должно быть ограничено, частями 2,3 и 4 закон отсылает к иным федеральным законам и актам Президента. Примечательно, что более точные дефиниции в основном содержатся в федеральных законах, регулирующих общественные отношения по обращению с информацией, задействованной в частных правоотношениях, либо которая менее затрагивает государственные интересы. Например, статьями 4 и 5 ФЗ «О коммерческой тайне» подробно конкретизировано каким образом информация может быть отнесена к коммерческой тайне и указан перечень сведений, которые не могут быть признаны коммерческой тайной.

Вдобавок стоит отметить часть 2.1. статьи 9 ФЗ «Об информации», с помощью которого законодатель фактически возлагает на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, дискрецию по выбору порядка идентификации информации и информационных ресурсов в целях принятия мер по ограничению доступа и требования к методам такого ограничения. Таким органом в РФ является Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор). Пунктом 1 Положения о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, утвержденного постановлением Правительства РФ от 16 марта 2009 г. № 22827 определены основные функции Роскомнадзора: контроль и надзор в сфере средств массовой информации, в том числе электронных, и массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных (является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по защите прав субъектов персональных данных) требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных, а также функции по организации деятельности радиочастотной службы. В

своей деятельности Роскомнадзор осуществляет блокировку ресурсов в сети Интернет, содержащих запрещенную информацию, опираясь на ФЗ «Об информации» и иные нормативные акты.

Нельзя отрицать того факта, что в сети Интернет содержится большое количество вредоносной информации, в том числе экстремистской и террористической направленности. Однако Роскомнадзор в своей деятельности неоднократно подвергался критике по причине блокировки информационных ресурсов, запрещенность информации которых ставилась под сомнение. О.Л. Солдаткина отметила: «Критики деятельности Роскомнадзора обращают внимание на отсутствие в законодательстве установленных критериев запрещенной в Российской Федерации информации, что вызывает риск злоупотреблений и «лишних» блокировок» [16]. Безусловно, причиной подобного вольного применения мер является формулировка нормы ч. 2.1. ст. 9 ФЗ «Об информации», которая фактически дает Роскомнадзору право применять различного рода санкций на свое усмотрение к нарушениям, которые ведомство определяет самостоятельно. Ухудшает положение дел, опять же, отсутствие в большей части федерального законодательства четких критериев определения запрещенной информации. В совокупности это приводит к случаям явно несопоставимого ограничения прав, предусмотренных ч. 4 ст. 29 Конституции РФ.

Заключение

Несмотря на закрепленные нормами отечественного законодательства информационные права граждан, вопрос соблюдения справедливого баланса между правом и соразмерным его ограничением остается открытым. Российское законодательство не имеет структурированности в определении случаев, при которых информационные права, гарантированные Конституцией РФ, могут быть ограничены. Правоприменитель, ориентирующийся в своей деятельности на существующие нормы, не имеет возможности толковать значение критериев буквально из-за широкого смысла формулировок.

На сегодняшний момент имеется потребность в законодательной выработке более четких критериев для определения того, какая информация должна быть изъята из доступа или ограничена, а какая, напротив, должна сохранять открытость как гарантия конституционного права на информацию. Отсутствие ясного разграничения информации на доступную и недоступную порождает практику необоснованного ограничения конституционных прав граждан в информационной сфере. Должна быть выработана государственная политика, способствующая работе в данном

направлении [17]. Современные технологии продолжают развиваться, а потому реализация прав и свобод человека и гражданина во всех сферах будет только укреплять свою зависимость от возможности реализации гражданами принадлежащих им информационных прав и свобод.

Список литературы:

- [1] Ковалева Н.Н., Холодная Е.В. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». М.: Юстицинформ, 2007. Абз. 613. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- [2] Гончаров, И. А. Место права на информацию в системе конституционных прав и свобод / И. А. Гончаров // Академическая наука - проблемы и достижения: Материалы XV международной научно-практической конференции, North Charleston, USA, 26–27 марта 2018 года. Том 3. – North Charleston, USA: CreateSpace, 2018. – С. 113-117. – EDN XMFLVB.
- [3] Фомин, А.А. Информационный суверенитет как фактор обеспечения национальной безопасности / А.А. Фомин // Современное право. – 2021. – № 4. – С. 27-33.
- [4] Нардина О.В. Ограничение конституционного права на доступ к получению и распространению информации в сети «интернет» в связи с противодействием экстремизму и терроризму / О.В. Нардина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2017. — Т. 5, № 4
- [5] Гришина В.В. Теоретико-правовой анализ категориального аппарата информационного права России // Информационное право. 2007. № 3.
- [6] Малько А. В. Право гражданина на информацию: необходимость, природа, гарантии реализации / А. В. Малько. //Правоведение. -1995. – № 3. – С. 12 – 20.
- [7] Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с
- [8] Morison J. Modernising and the E-Government Revolution: Technologies of Government and Technologies of Democracy // Bamforth N., Leyland P. Public Law in a Multi-Layered Constitution. Oxford: Hart Publishing, 2003; Morison J. Online government and e-constitutionalism // Public Law. 2003. Vol. 14.
- [9] Фомин, А. А. Юридическая безопасность государства как особого субъекта российского права / А. А. Фомин // Право и политика. – 2005. – № 6. – С. 49-56. – EDN UHEYJP.
- [10] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 180.

[11] Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал рос. права, 2005. № 7. С. 13.

[12] Гаджиев Г.А. Непосредственное применение судами конституционных норм // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 27.

[13] «Круглый стол» по теме «Принципы, пределы и основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву» // Государство и право. 1998. № 7. С. 26.

[14] Бажанов А.А. Проблемы реализации принципа соразмерности в судебной практике // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. K2018. Т. 13. № 6. С. 124–157.

[15] Валитова, Л. И. К вопросу об ограничении права на информацию / Л. И. Валитова // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 6(78). – С. 32-35. – EDN MNRAPM.

[16] Солдаткина О.Л. Совершенствование правоохранительных функций Роскомнадзора по обеспечению информационной безопасности как направление современной российской правовой политики // Государство и право. 2022. № 12. С. 112–118.

[17] Хрулева, В. В. Конституционное право на свободу слова и информацию в Российской Федерации / В. В. Хрулева // Территория науки. – 2021. – № 1. – С. 55-60. – EDN LKNRJZ.

References:

[1] Kovaleva N.N., Kholodnaya E.V. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 27 iyulya 2006 goda № 149-FZ «Ob informacii, informacionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informacii». M.: Yusticinform, 2007. Abz. 613. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tanTPlyuS».

[2] Goncharov, I. A. Mesto prava na informaciyu v sisteme konstitucionnykh prav i svobod / I. A. Goncharov // Akademicheskaya nauka - problemy i dostizheniya: Materialy XV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, North Charleston, USA, 26–27 marta 2018 goda. Tom 3. – North Charleston, USA: CreateSpace, 2018. – S. 113-117. – EDN XMFLVB.

[3] Fomin, A.A. Informacionnyj suverenitet kak faktor obespecheniya nacional'noj bezopasnosti / A.A. Fomin // Sovremennoe pravo. - 2021. - № 4. - S. 27-33.

[4] Nardina O.V. Ogranichenie konstitucionnogo prava na dostup k polucheniyu i rasprostranenyu informacii v seti «interneT» v svyazi s protivodejstviem ehkstremizmu i terrorizmu / O.V. Nar-

dina // Ehlektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo». — 2017. — Т. 5, № 4

[5] Grishina V.V. Teoretiko-pravovoj analiz kategorial'nogo apparata informacionnogo prava Rossii // Informacionnoe pravo. 2007. № 3.

[6] Mal'ko A. V. Pravo grazhdanina na informaciyu: neobkhodimost', priroda, garantii realizacii / A. V. Mal'ko. //Pravovedenie. -1995. – № 3. – S. 12 – 20.

[7] Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov. 3-e izd. – M.: Yurisprudenciya, 2000. – 528 s

[8] Morison J. Modernising and the E-Government Revolution: Technologies of Government and Technologies of Democracy // BamforthN., Leyland P. Public Law in a Multi-Layered Constitution. Oxford: Hart Publishing, 2003; Morison J. Online government and e-constitutionalism // Public Law. 2003. Vol. 14.

[9] Fomin, A. A. Yuridicheskaya bezopasnost' gosudarstva kak osobogo sub"ekta rossijskogo prava / A. A. Fomin // Pravo i politika. – 2005. – № 6. – S. 49-56. – EDN UHEYJP.

[10] Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: Uchebnik dlya vuzov. M.: Norma, 2005. С. 180.

[11] Lapaeва V.V. Problema ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Konstitucii RF (opyt doktrinal'nogo osmysleniya) // Zhurnal ross. prava, 2005. № 7. S. 13.

[12] Gadzhiev G.A. Neposredstvennoe primeneniye sudami konstitucionnykh norm // Rossijskaya yusticiya. 1995. № 12. S. 27.

[13] «Kruglyj stol» po teme «Principy, predely i osnovaniya ogranicheniya prav i svobod cheloveka po rossijskomu zakonodatel'stvu i mezhdunarodnomu pravu» // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 7. S. 26.

[14] Bazhanov A.A. Problemy realizacii principa sorazmernosti v sudebnoj praktike // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. K2018. Т. 13. № 6. S. 124–157.

[15] Valitova, L. I. K voprosu ob ogranichenii prava na informaciyu / L. I. Valitova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2011. – № 6(78). – S. 32-35. – EDN MNRAPM.

[16] Soldatkina O.L. Sovershenstvovanie pravookhranitel'nykh funkcij Roskomnadzora po obespecheniyu informacionnoj bezopasnosti kak napravleniye sovremennoj rossijskoj pravovoj politiki // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 12. S. 112–118.

[17] Khruleva, V. V. Konstitucionnoe pravo na svobodu slova i informaciyu v Rossijskoj Federacii / V. V. Khruleva // Territoriya nauki. – 2021. – № 1. – S. 55-60. – EDN LKNRJZ.